

ГЛАВА 1

Мать каменным изваянием застыла в дверях комнаты. Я спиной чувствовал ее негодующий взгляд: между лопаток так и жгло. Мне не требовалось обращаться, чтобы увидеть, что она стоит там: взгляд скорбный, как у великомученицы на иконе, губы поджаты, руки скрещены на груди, ноги — на ширине плеч, будто она собралась делать наклоны во время утренней гимнастики, и вся фигура выражает крайнее возмущение.

Старательно делая вид, что не замечаю ее присутствия, я продолжал запихивать вещи в сумку. Если бы мать захотела помочь, то давным-давно уложила бы все самым аккуратным образом, еще и свободное место осталось бы. Но она категорически против моей поездки, так что приходилось корячиться самому. Получалось плохо, и я точно знал: обязательно забуду засунуть что-то нужное, зато потащу с собой кучу ненужного хлама.

Мать молчала, точно зная, что я знаю, что она стоит в дверном проеме. А я знал, что она это знает и... В общем, все как обычно.

Иногда мне казалось, что каждый из нас считает другого диким зверем: кружит рядом, и даже перио-

АЛЬБИНА НУРИ

дически сужает круги, но опасается злого нрава хищника и поэтому не решается пойти на сближение. В последнее время нам не удавалось поговорить так, чтобы к концу разговора не разругаться в пух и прах.

О том, что я собираюсь ехать, мать узнала неделю назад, и с той поры скандалы и ссоры не прекращались. Сейчас прозвучит последний аккорд: мой поезд отходит через несколько часов.

— Ты понимаешь, что ломаешь собственную жизнь? — не выдержала она.

— Почему поехать к отцу означает сломать себе жизнь?

Я ответил как можно спокойнее. Во-первых, чтобы не обострять ситуацию, а во-вторых, потому что понимал, что мой невозмутимый тон сильнее всего ее бесит.

Да-да, вот такая двойная философия. И да — вот такая я сволочь. Но просто действительно достала эта ситуация. Честно.

День был в самом разгаре — половина второго. В раскрытое окно ломилось лето: ветерок трепал занавеску, на детской площадке кричали малыши, кто-то громко смеялся, хлопали дверцы автомобилей. Мы живем на втором этаже и волей-неволей в курсе всего, что происходит во дворе.

Квартира однокомнатная, поэтому мы с матерью постоянно на виду друг у друга. Скрыться можно только на кухне и в ванной. Может, будь у нас большой дом, где просторно и много места, мы не

Пассажир своей судьбы

мозолили бы глаза друг другу и не раздражались до зубной боли.

А может быть, все равно находили бы поводы для недовольства и ругани.

— Ты уже взрослый человек, прекрати вести себя как избалованный мальчишка!

Я решил, что глупо стоять к ней спиной, бестолково перекладывая в сумке носки и трусы, и обернулся.

Так и есть: поза, лицо — все красноречиво говорит, что мать разозлилась всерьез и отступать не намерена. Но она ошибается. Мне уже не десять лет, чтобы мамочка могла запереть меня дома и лишить прогулки.

— Правильно. Мне скоро двадцать, и я хочу сам решать, что мне делать. Хочу — и буду.

Глупо прозвучало, согласен. Не хватало еще ножкой топнуть. Мать это заметила и немедленно ринулась в атаку:

— Неужели ты не соображаешь, что, насолив мне, ты сделаешь хуже себе самому! Послушай, Федор, мы можем все обсудить. — Она подошла ближе. — Мы не всегда понимаем друг друга, но это не повод принимать скоропалительные решения!

Я смотрел на нее сверху вниз, хотя мать у меня довольно высокая и крупная. Но я пошел в отца, а тот почти двухметрового роста. Прошли времена, когда я прибежал с улицы, получив по шапке от соседских мальчишек, утыкался носом ей в живот и ревел. Мать успокаивала меня, но никогда не шла

АЛЬБИНА НУРИ

выяснять отношения с теми, кто меня обидел. Я понимаю, что это правильно, что матери не должны вмешиваться в дела детей, но в глубине души так хотелось, чтобы она вышла во двор и наваляла всем, кто посмел меня тронуть, а заодно и с их родителями разобралась.

Будь отец рядом, может, он защищал бы меня. Или тогда вообще никто из дворовых хулиганов не посмел бы косо на меня глянуть?

Кроме роста, всем остальным я похож на мать. Смотрю на нее — и вижу свои светло-карие глаза, нос с горбинкой и непослушные жесткие волосы, которые я стрижу почти под ноль, а она красит в каштановый цвет, потому что виски уже совсем седые.

В детстве мать казалась мне самой красивой на свете. Все дети считают свою маму самой красивой, но моя мать была по-настоящему яркой, эффектной женщиной. Я не знаю, были ли у нее мужчины после развода с отцом — если и были, то она их тщательно от меня скрывала. Одно бесспорно: пожелай она, легко вышла бы снова замуж. Но мать не хотела, и мне кажется, я знаю почему.

Она ждала, что отец попросит у нее прощения и вернется. Только он этого так никогда и не сделал. Хотя, видимо, тоже хотел все исправить, потому что не женился.

А может, я ошибаюсь, и все дело в том, что скоротечный брак напрочь отбил у обоих желание делить жизнь с кем бы то ни было.

Пассажир своей судьбы

— Какая разница, понимаем мы друг друга или нет? Я же не от тебя уезжаю. Просто хочу понять, как жить дальше.

Мать всплеснула руками и метнулась к окну, словно собираясь призвать соседей в свидетели.

— Вы посмотрите! Понять он хочет! Разве для этого надо ехать за тридевять земель?

Отец живет в поселке Улемово, недалеко от Улан-Удэ. Ехать туда из Казани поездом почти четверо суток. Перелет я даже не рассматривал, мечтал проехать на поезде через всю страну. Это казалось романтичным, значительным, что ли. В дороге можно читать, размышлять, глядеть в окно, а мимо будут проноситься чужие города, поля, леса, реки.

— Выходит, надо. — Сейчас я говорил спокойно, не чтобы ее позлить, а желая объяснить. — Мне нужно осознать, чего я хочу. Когда живешь в привычной обстановке, это невозможно. Здесь рутина, привычные маршруты. А там будут новые лица, новые места.

Мамино лицо сморщилось, губы задрожали. Господи, этого еще не хватало!

Она села на стул возле окна и спрятала лицо в ладони.

— Не надо, мам, — попросил я. — Это запрещенный прием.

— А оставлять меня одну — не запрещенный прием? — Она вскинула на меня заплаканные глаза и выкрикнула: — Обо мне ты подумал? Как я тут буду, одна, без тебя?!

АЛЬБИНА НУРИ

Распахнутая дверца шкафа вдруг с грохотом хлопнулась, и мы оба подскочили от неожиданности.

— Что такое? — испуганно спросила мать.

— Сквозняк, наверное. — Я пожал плечами. — Помоги уложить вещи, пожалуйста.

Мне хотелось отвлечь ее, отогнать подальше слезливое настроение, но я просчитался. Просьба осушила слезы, но вызвала очередную серию упреков:

— Ты даже вещи не можешь нормально собрать! Неприспособленный, несамостоятельный! А если тебе помощь понадобится? Думаешь, отец разбежится помогать? Как же, держи карман шире! Это он по телефону такой... рассудительный! Конечно, не воспитывал, не растил! Натрепал всякой чуши, а ты и побежал к нему, высунув язык!

— Перестань! Ничего он не трепал! Он, если хочешь знать, даже отговаривал!

— Вот спасибо-то, благодетель! — Мать вскочила со стула и картинно поклонилась. В углу, которому она кланялась, стоял телевизор, и в другой момент это выглядело бы смешным. — Еще бы он не отговаривал! Зачем ему такие хлопоты?

Здрасьте, приехали! И так плохо, и эдак нехорошо, вечно одно и то же!

— Тебя не поймешь, — с досадой сказал я. — Ладно, не хочешь, не помогай. Сам справлюсь.

Мать подлетела ко мне, решительно оттеснив плечом в сторону, и принялась складывать свитера, белье и обувь.

Пассажир своей судьбы

— Зачем ты бросил университет? Можешь нормально объяснить? Ты хоть отдаленно представляешь, чего мне стоило тебя туда устроить?

Я с грехом пополам проучился в энергетическом университете два курса. Точнее, промучился. Ни одной интересной мне лекции, ни одной сессии без «хвостов». В зачетке — сплошные тройки, поневоле начнешь считать себя тупицей. Мне никогда в жизни не хотелось быть энергетиком, но у матери имелись связи в этом вузе, поэтому она меня туда и «поступила».

Закрывая в июне очередной долг, я понял, что еще три года не выдержу. Меня тошнило от одного вида университетской высотки, что торчит неподалеку от берега Казанки. Я плелся туда, проклиная все на свете, и в первую очередь — свою слабохарактерность и уступчивость.

— Не хочу там учиться. И никогда не смогу работать по специальности, — обреченно сказал я, предвидя новую порцию укоров.

— Но ведь тебя же в армию заберут! — Голос матери зазвучал растерянно, почти умоляюще.

— Значит, пойду в армию, — упрямо проговорил я. Мать хотела возразить что-то, но я не позволил. — До осеннего призыва еще полно времени. Я подумаю и решу. Может, вернусь обратно в энергоунивер («Ни за что на свете!»). Или в другой институт поступлю. Что ты заранее нагнетаешь! Я же не навсегда еду. Поживу какое-то время с отцом и решу.

АЛЬБИНА НУРИ

Она распрямилась, закончив с вещами, которые теперь лежали ровными стопками. Сверху, как я и предполагал, оставалось еще немного места. Теперь мать смотрела прямо на меня.

— Знаю я, что ты себе в голову вбил. Писателем собрался стать. Что это за профессия такая ненормальная? Да это вообще... не профессия никакая!

— Конечно, и Толстой, и Гоголь, и Чехов — все идиотами были! Один энергетик Чубайс гений.

— Прекрати ерничать! — громко и жестко бросила мать, уперев руки в бока и сдвинув брови к переносице. Всю жизнь терпеть не мог, когда она так делала. — Ты же не можешь на полном серьезе считать себя гениальным писателем! Пушкиных с Лермонтовыми, да даже и... — мать нетерпеливо пощелкала пальцами, — Донцовых каких-нибудь — по пальцам пересчитать! А остальные, кто не пробился? Их, может, миллион! Хочешь всю жизнь впроголодь прожить? По издательствам бегать с рукописью под мышкой и ждать, пока кто-то соизволит тебя напечатать?

— Да почему ты никогда в меня не веришь?! Откуда знаешь, что у меня ничего не выйдет, что я неудачник и ничего не добьюсь? — Я чувствовал, что сейчас наговорю лишнего, но уже не мог заставить себя замолчать. — Ты заранее все за меня сама решила, составила подробный план, расписала на десять лет вперед и ждешь, что я буду жить именно так! А если я не хочу жить по твоему распорядку? Ты

Пассажир своей судьбы

об этом подумала? Может, мне нужно что-то другое? Кто тебе дал право за меня решать?

— Федор, я...

— Что «Федор»? Ну, что? Скажешь, я не прав? Ты хоть раз в жизни поинтересовалась, что я пишу? Захотела почитать?

— А тебе важно было мое мнение? — выкрикнула она.

Соседи, наверное, притихли и прислушивались.

— Представь себе, важно! Между прочим, это довольно неприятно, когда родная мать считает тебя ничтожеством!

— Но я никогда не считала... — начала было она.

— Вот поэтому, наверное, отец и сбежал от тебя! Ты никогда ему не верила, никогда не поддерживала! — договорил я.

И тут же пожалел, что сказал это, но сделанного не воротишь. Вдруг стало тихо-тихо, даже за окном вроде бы смолкли все звуки. Мы с матерью стояли друг напротив друга и тяжело дышали, как загнанные лошади. Я чувствовал, что сказанное навсегда легло у наших ног, и вряд ли получится поднять эту тяжесть, выбросить прочь из души и из памяти.

Мать, не говоря ни слова, отвернулась от меня, как будто я ее ударил. В каком-то смысле так оно и было. Она никогда не рассказывала мне, почему они с отцом развелись, и я понятия не имел, почему он бросил нас, уехал на другой конец страны. Но это явно была тяжелая для нее история, и слова мои, как ни крути, были ударом ниже пояса.

АЛЬБИНА НУРИ

«Вот если бы она сейчас заплакала, я бы, наверное, не выдержал и остался!» — пришло мне в голову. Но мать поступила так, как всегда поступала, когда ее обижали. Выражение лица стало суровым, отрешенным, и она холодно проговорила:

— Делай что хочешь. Решил ехать — езжай. Видеть тебя не могу.

Мать круто развернулась и вышла из комнаты. Идти у нас, как я уже говорил, особо некуда, поэтому она скрылась на кухне и притворила за собой дверь. Дверь была со стеклянными вставками, так что я видел ее силуэт: мать неподвижно сидела на табурете возле стола.

Меня тянуло пойти и успокоить ее, попросить прощения и попрощаться по-человечески, но я опасался, что все начнется сначала: уговоры, слезы, укоры. Так и на поезд опоздаешь.

Я застегнул молнию на сумке, проверил документы, взял с вешалки ветровку и, поколебавшись, направился к входной двери, как вдруг за моей спиной раздался жалобный звон. Обернувшись, я обнаружил, что с полки упала статуэтка.

Изящную фигурку ручной работы я купил в Елабуге и подарил матери на день рождения: накопил, когда работал летом на мойке. Хрустальная лошадка гарцевала на подставке, на спине ее сидела горделивая наездница в длинном платье по моде девятнадцатого века.

Пассажир своей судьбы

Опять, что ли, сквозняк? Вроде и ветра нет, да и статуэтка тяжелая, ее так просто не сдуло бы. Замерев возле порога, я стоял, уставившись на то, что осталось от хрупкой вещицы. Осколки рассыпались по полу, не было больше ни красавицы-наездницы, ни тонконового благородного скакуна.

Открылась дверь кухни. Я знал, как мать дорожит моим подарком, и сейчас буквально оторопел, предвидя ее реакцию. «Надеюсь, она не подумает, что это я!» — промелькнуло в голове.

— Моя Дама! — потрясенно прошептала мать. — Как Дама могла разбиться? Она стояла далеко от края!

Я ждал, что мать бросится собирать осколки, примется причитать над ними, но вместо этого она, не взглянув больше в сторону разбитой статуэтки, подошла ко мне. Взгляд ее был пристальным, настойчивым, и было в нем что-то еще. В тот момент я не смог сообразить, что именно, и только потом понял: это был страх. Страх — и еще что-то.

— Тебе не надо ездить, — тихо сказала мать.

— Мам, не начинай, прошу тебя!

— Ты не понимаешь, — она покачала головой. — Дело не во мне и не в тебе. У меня дурное предчувствие. Это поездка добром не кончится. Дама не могла упасть просто так!

— Перестань, пожалуйста. — Я обнял ее и прижал к себе. — Что за суеверия? Ты же никогда не верила в такие вещи.